

С. Г. Маслинская

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия*

**Право на мобильность:
траектории перемещения героев детской литературы
1920-х годов***

Статья посвящена анализу траекторий перемещения героев в художественном пространстве произведений детской литературы 1920-х гг. Социальные и гендерные характеристики персонажей советской детской литературы периода НЭПа соотнесены с пространственной организацией произведений. Перемещения персонажей имеют идеологическую обусловленность и связаны в том числе с пропагандистской кампанией «смычка города и деревни», направленной на экономическую и культурную интеграцию городского и сельского населения России в 1920-е гг.

Герои-мальчики в целом обладают большей пространственной мобильностью, нежели персонажи-девочки, пространство перемещений которых ограничено сельской средой, где их самоопределение реализуется в просвещении старших женщин в семье. В атмосфере раннесоветской агитации за женскую эмансипацию, права трудящихся женщин, вовлечение девочек в пионерское движение детская литература не предлагает образцов свободного перемещения девочек в пространстве, доступном мальчикам (город – подгородье – деревня). Независимо от социальных характеристик персонажей-девочек (дочь крестьянина, дочь кулака, дочь священника и пр.) их мобильность ограничена. Пространственная эмансипация девочек-дворянок, столь разнообразно представленная в дореволюционной детской литературе, при изображении девочек низкого и среднего социального происхождения в советской детской литературе отстает перед традиционалистским взглядом на пространственную свободу женщин.

Выявлено, что на пересечении характерологических черт персонажей мужской / женской и городской / деревенской наибольшей мобильностью отличаются городские мальчики, наименьшей – деревенские девочки.

Ключевые слова: русская детская литература 1920-х годов, художественное пространство, идеология, гендер, смычка города и деревни.

Бросив беглый взгляд на сюжеты 1920-х гг., можно обнаружить, что герои все время куда-то бегут, летят и скачут. Пожалуй, написанное Даниилом Хармсом в 1935 г. стихотворение «Все бегут, летят и скачут» скорее описывает темп

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00381 «Педагогические концепции гендерной социализации в русской детской литературе».

Маслинская Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований детской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, 199034, Россия, braunknopf@gmail.com); соредaktor журнала «Детские чтения»

1920-х гг., нежели 1930-х. Показателен в этом отношении материал военно-революционной повести, в которой герои перемещаются по просторам бывшей Российской империи, участвуя в становлении Советской власти в столицах и на окраине. Персонажи таких произведений, как «Красные дьяволята» Павла Бляхина или «Макар-следопыт» Льва Остроумова, вовлеченные в бурные события первых революционных лет, передвигаются на лошадях и поездах в стремлении распространить и утвердить Советскую власть. И социальный, и литературный контекст способствовал взрыву продуктивности этого жанра и встречной его популярности у читателей. Одновременно по стране пешком и на поездах перемещаются дети-мешочники в поисках пропитания для себя и оставленных где-то в селе или городе родных. При всей видимой установке на достоверность произведений вроде повестей А. Неверова «Ташкент – город хлебный» и С. Григорьева «С мешком за смертью» они ориентируются на жанровую традицию мелодраматической литературы о сиротках 1900–1910-х гг. Ну и наконец, авантурные модели письма в 1924–1926 гг. в предельном случае воплощаются в многочисленных фантастических стихотворных произведениях о путешествиях советских детей за границу с целью установления там коммунистической власти или знакомства с борьбой против капиталистов-эксплуататоров¹. Двигательная активность персонажей названных жанровых разновидностей приключенческой прозы вызвана прежде всего особенностями авантурного повествования, для которого категории «вдруг» и «здесь» являются определяющими. Мобильность детей в этом случае типологически близка мобильности героев любого романа странствий, хотя, конечно, определенные социально-исторические предпосылки развития именно в 1920-е гг. нарративов подобного типа обнаружить нетрудно, и на это уже указывали исследователи как детской, так и взрослой раннесоветской литературы².

Однако уже с середины 1920-х гг. приключенческая литература отступает перед требованием чиновников образования и культуры, присматривающих за развитием детской литературы, дать реальные сюжеты из жизни, наполнить детскую литературу описанием новой советской повседневности. Воодушевление идеями Коминтерна и недавними битвами за установление советской власти сменяется всматриванием в мирную повседневность эпохи НЭПа. Основной темой должно стать мирное строительство советского строя в городе и деревне. Соответственно от писателей ожидают произведений о том, как юное поколение советских людей растет и встраивается в предложенную советской властью систему ценностей и отношений. Социалистическое строительство предполагает активное участие в нем детей «на местах» – городах и весях. Достаточно ли остаться в родном селе, чтобы принять участие в этом строительстве или надо куда-то переехать? Насколько оказываются мобильны советские дети в условиях мирного строительства? Зависит ли их мобильность от гендерной принадлежности персонажей? Кто, как и куда перемещается в произведениях о новой повседневности? Как изменяется конфигурация пространственной разметки бытописательской литературы 1920-х?

Город и деревня: пространство передвижений

Если рассматривать перемещения героев внутри городского или сельского пространства, то можно увидеть, что характерной траекторией движения героев в городе является путь на производство – подросток устраивается работать на за-

---

¹ Этому сюжету посвящено много статей [Балина, 2013; Путилова, 2014]; в том числе его иллюстрированию: [Фомин, 2019]. Отчасти этой темы я касаюсь в статье о пионерских серийных изданиях [Маслинская, 2013].

² О взрослой литературе см. [Николаев, 2006; Маликова, 2014] и др.

вод. Это сюжеты о мальчиках, которые ищут путь социально одобряемой профессиональной реализации. Так, в рассказе «Чердачный черт» Николая Богданова отец – рабочий завода – требует от сына Алешки, которому исполнилось четырнадцать лет: «или на завод или куда хочешь» [Богданов, 1928б, с. 32], но «не хотел сын идти по его дороге и захотел изобрести свою» [Там же, с. 30]. Алешка выбирает «воздушное занятие» – заводит голубей. В ответ отец выгоняет его из дома, мальчик какое-то время прячется на чердаке, но в итоге при содействии пионеров все-таки приходит работать на «любимый, хотя и страшный завод» [Там же, с. 55]. Игнорируя мнение отца, отправляется в депо учеником сын угольщика Зиновей-чумазей из одноименного рассказа того же автора: «И хотя он по-прежнему чумаз, а отношение к нему совсем другое. Он на своей, на широкой дороге, выбился в иной, совсем иной мир» [Богданов, 1928а, с. 27].

В то время как для детей, которые растут в семье, участие в новом строительстве – это работа на фабричном производстве, у беспризорных детей перспектива раздваивается: обретение семьи или, минуя семью, поступление на завод. Если первое (в том числе в его сублимированном варианте в виде детского дома [Костарев, 1923; Невтонов, 1926; Белых, Пантелеев, 1927]) имеет свои истоки в дореволюционной литературной традиции изображения сироток, то трудоустройство на завод как возможный путь социализации – сюжетная разновидность, появившаяся уже в советской детской литературе. Поступление беспризорного на завод, как правило, определено или встречей с авторитетным взрослым, или, что чаще, с пионерами, которые помогают бездомному герою найти путь в «заводскую семью»³. Алексей Кожевников в цикл «Вокзальники» включает рассказ «Дадай» [Кожевников, 1925]. Беспризорный мальчик по имени Дадай, живущий и «работающий» на вокзале, в день похорон Ленина вспоминает о том, как однажды Ленин приезжал на фабрику, на которой в 1917 г. работали его ныне умершие родители, и, выступая с речью, указал на Дадаю: «Когда Советская власть будет – все они в школу пойдут, всем хватит места...». Вспоминая напутствие Ленина, мальчик просит устроить его на завод и получает поддержку старших. Так же устраивается на завод и Прошка-Бегунок, беспризорный из рассказа Константина Минаева «Дикие» [1927а].

Как правило, городское пространство преимущественно «мальчиковое», героинь девочек на вокзалах и заводах практически нет, а если есть, то они занимают подчиненное в сюжетном отношении положение (как Надя и Ляля в уже упомянутом рассказе Николая Богданова «Чердачный черт», которые помогли главному герою познакомиться с пионерами, способствовавшими его трудоустройству).

В тех случаях, когда девочки являются центральными персонажами, они помещаются в пространство деревни. В рассказах Константина Минаева «Ариша-пионерка» [1926а] и «Против отца» [1927б] поступательно показаны изменения в изображении девочки на селе. Пространство крестьянской девочки – это пространство дома и домашних обязанностей. И если в первом рассказе попытка девочки выйти за забор (отправляется в соседнее село в школу) заканчивается в духе святочного рассказа (девочка, выгнанная отцом из дома за желание вступить в пионеры, замерзает во дворе в стогу сена), то второй рассказ, вышедший из печати спустя год, дает уже иную модель отношений: девочка вступает в конфронтацию с родителями-кулаками. В обоих текстах родители показаны как идеологически чужие и враждебные по отношению к советской власти, но

---

³ Продуктивность этого сюжета поддерживалась многочисленными публикациями в пионерской периодике и даже созданием тематических ролевых игр, например «Пионер и беспризорные» [Филитис, 1926, с. 27–29].

в «Арише-пионерке» девочка погибает по случайности, а в рассказе «Против отца» родители не только применяют насилие, но сознательно оставляют ее в опасности – запирают избитую в чулане. Ее спасают от смерти вовремя подросшие односельчане. Мелодраматичность рассказов Константина Минаева, в основе сюжетов которых лежат мотивы городского романса, не единственный эстетический модус, в котором конструировался новый быт деревни в литературе для детей.

«Острые вопросы современности», как писал один из рецензентов [Белоусов, 1926], могли решаться в литературе для детей и без использования мелодраматических шаблонов. Так, в рассказе Ларисы Лариной «Помогла» [1925] героиня-девочка воспитывает мать, упрекая ее в политической неграмотности. Девочку поддерживают представители завкома, вызывающие мать для проработки. В их уста вложены слова, описывающие новую конфигурацию детско-родительских отношений: «Смотри, дочка твоя развитая какая, а ты... Стыдно тебе. Хорошей работницей у нас считаешься, делегаткой могла бы быть. Не все ж у печки сидеть» [Там же, с. 39].

Но постепенно агентность персонажей-детей ослабевает. И в 1930 г. в рассказе Елены Бобинской девочка претендует не на полное перевоспитание матери, а на приобщение к новой активности. По инициативе Веры Поповой, центрального персонажа рассказа, она вместе со своим братом ночью выполняет за мать ее домашнюю работу, дети надеются, что освобождение матери от домашних хлопот позволит ей пойти в клуб на праздник 8 марта, – их надежды оправдываются. Любопытно, к слову, что освобождение матери сопровождается апелляцией к ее былому образу, запечатленному на фотографии: некогда мать была красавицей, но семейные хлопоты ее преждевременно состарили. Именно Вера справляется с задачей омоложения матери:

А когда Вера, вся раскрасневшаяся, сходила с трибуны, глаза ее встретили сияющие глаза матери, не вечно озабоченные глаза «захлопотавшейся» матери, но веселые глаза «прелестной Кати» с фотографической карточки над комодом [Бобинская, 1930, с. 18].

Как видно, пространство, в котором разворачиваются сюжеты с героинями-девочками, – это пространство дома и семьи. Девочки за пределы этого пространства выходят с тем, чтобы получить взрослую поддержку (в школе или клубе), но конечная их цель – усовершенствование политического облика своей семьи, а не собственное профессиональное или политическое развитие. Пространственная эмансипация девочек-дворянок, столь разнообразно представленная в дореволюционной детской литературе [Толстокорова, 2016], при изображении девочек низкого и среднего социального происхождения в советской детской литературе отступает перед традиционалистским взглядом на пространственную свободу женщин.

Таким образом, передвижение детей внутри пространства города и деревни имеет гендерную специфику: мальчики заняты самореализацией, девочки – перевоспитанием членов своей семьи. Ситуация меняется при обращении авторов детской литературы к теме смычки города и деревни.

Город деревне – брат: путь просвещения

В одной из пропагандистских брошюр с показательным названием «Смычка на деле» Емельян Ярославский, характеризуя процесс культурной трансмиссии между городом и деревней, заявляет: «Если мы вдвинем в нее 2-миллионную армию пионеров, то смычка на деле с крестьянской детворой, а через крестьянскую детвору со взрослыми крестьянами и особенно крестьянками, превратится в могучий поток объединенной культурно-воспитательной работы города и деревни»

[Жданов и др., 1927, с. 6]. Начиная с 1925 г. в периодике и литературе, адресованной детям, можно обнаружить большое число материалов о том, как осуществлялась «культурно-воспитательная» смычка. И в публицистических, и в литературных произведениях практически все сюжеты о «смычке» содержат мотив пути: путь из города в деревню и путь из деревни в город.

Самый ранний сюжет, появляющийся в 1925 г., – это отъезд из деревни в город детей-сирот. В рассказе Елены Верейской «Сережка в деревне» [1925]⁴ мальчик приезжает с отцом из города. Когда-то отец жил в этой деревне, и городская неустроенность провоцирует его на возвращение в родные края, однако он не находит себя в новых условиях советской деревни. В то время как его сын Сережка пользуется авторитетом у сверстников, потому что владеет навыками рассказывания сказок и готов делиться знаниями о происхождении суеверных представлений (в частности, дискредитирует поверья, связанные с кладоискательством в Иванов день). Однако смычка с деревней складывается не гладко: после исчезновения отца, обвиненного в поджоге деревни, Сережка живет по дворам, работает батраком и мечтает о возвращении в город, с которым у него связаны мечты об образовании. В финале с помощью своей бывшей учительницы он уезжает в детский дом. Отъезд воспринимается им как обретение свободы и надежды на будущее.

Точно так же интерпретируется отъезд в детский дом Матрешки, героини одноименного рассказа, опубликованного в «Пионерской правде» в том же году под криптонимом Олег К. Девочку-сироту, работающую батрачкой у богатого кулака, увозит в город троюродный дядя и определяет в детский дом, дав ей таким образом «свое место в жизни» [Олег К., 1925, № 22, с. 2]. Деревня в этом типе сюжета показана как средоточие насилия и мракобесия, и выпавшая героям возможность вырваться из нее трактуется как единственно правильная жизненная стратегия.

Тем не менее можно обнаружить отдельные произведения, в которых юные деревенские ходоки ездят в город и возвращаются назад. В рассказе «За правдой» крестьянский мальчик Сережа едет на поезде к Калинин, чтобы просить помочь справиться с кулаками. Посещает московский пионерский отряд и возвращается, вооруженный знаниями о том, как вести пионерскую работу в деревне [Мэнс, 1925]. Впрочем, этот сюжет более всего напоминает авантурные рассказы о детях, едущих на похороны к Ильичу, в поисках хлеба и т. п. Тайная поездка в машинном отделении поезда, случайно встреченный на московских улицах пионерский отряд, аудиенция у М. Калинина, внимательно слушающего юного «ходока», – эти черты повествования заставляют рассматривать рассказ в ряду авантурной прозы, а не бытописательского нарратива о деревенской повседневности.

Индивидуальные поездки, принятые в 1925 г., когда герои отправляются в город в одиночку, сменяются в 1926 г. коллективными. Причем в обратном направлении. В деревню отправляются организованные отряды детей – пионеры. Пионерская периодика в 1925–1926 гг. была полна описаний того, как осуществляется культурная смычка между городом и деревней⁵. В рубриках «Пионерская деревня» и «Крепите смычку» рассказывалось о том, с какими трудностями сталкиваются юные культуртрегеры на селе: как агрессивно реагируют взрослые на появление в деревне городских пропагандистов, как трудно организовать диалог с деревенскими ребятами и пр. Инструкции, как организовать работу в деревне,

---

⁴ Повесть обсуждалась на заседании студии детских писателей под руководством С. Маршака и была рекомендована к печати. По воспоминаниям Е. Верейской повесть была опубликована практически без редакторской правки [Верейская, 1971].

⁵ Характерным примером является рубрика «Пионерская деревня» в газете «Пионерская правда» (см. примеры заметок [Грумберг, 1925, с. 3; Пикор Ш., 1925, с. 3; Седов, 1925, с. 3; Третьяков, 1925, с. 3]).

содержали вышедшие в те же годы брошюры, вроде той, что издали в 1926 г. Я. Смоляров и Н. Потапов под названием «Смычка с солнцем и деревней». В ней составители дают рекомендации, которые призваны помочь избежать насмешек и обзывательств со стороны деревенских ребят:

Ну, приехали в лагерь, кругом лес – ели, березы, птички чирикают, косые деревенские избушки стоят, крестьяне в поле работают. С чего начать работу? Выстроиться гуськом с оркестром, с песнями: «Долой, долой монахов», с треском и громом пройти по деревне и потом выступить на собрании крестьян с длинной речью о смычке? Сделать так, конечно, можно, но что получится? Все деревенские будут глазеть на это и про себя посмеиваться: «Приехали, мол, дармоеды из города. Ишь, форсят, лодыря корчат, языком треплют!» Не с этого конца надо начинать работу пионерам в деревне [Смычка..., 1926, с. 118].

И далее авторы инструктивной брошюры подробно разъясняют процедуру знакомства с нуждами деревни, с механизмами налаживания социальных связей и т. п. И тем не менее в сюжетах детской литературы как раз походный антураж (с маршированием и песнями) и выступление с трибуны перед крестьянами можно отнести к основным элементам нарративов о смычке.

Так, во многих произведениях пионеры преодолевают путь до деревни пешком:

Жарко в открытом поле. Бодро по лесной дороге шагает звено пионеров. Перебрасываются шутками. Заливаются смехом. Весело им и тревожно – первый раз идут обследовать деревню, узнать, нужна ли помощь пионеров. Как-то встретит председатель сельсовета? [Жданов и др., 1927, с. 7]

Авторы поясняют, что «самое интересное в экскурсии – это ходить пешком» [Там же, с. 11]. Пионеры, отправляющиеся в деревню, показаны как естествоиспытатели, изучающие «мир вокруг нас». Этнографический подход оказывается тесно связанным с колониалистским дискурсом: пионеры одновременно и пропагандисты, несущие свет в темные деревенские массы. Пионеры выходят за границы города не только для того, чтобы познакомиться с миром природы, но и чтобы обследовать малокультурных и агрессивных жителей деревни. Крестьяне радостно приветствуют их в этом качестве, зазывая к себе в гости: «Небось, городские – новенького что-нибудь скажите» [Там же, с. 7].

Первая разновидность сюжета и самая распространенная – приход в деревню пионерского отряда. В рассказе Константина Минаева «Каменский отряд» рядом с деревней в бывшей усадьбе организована коммуна. Приехавшие «пролетарии из города» во главе с товарищем Сентябовым руководствуются следующей задачей: «Нам нужно покрепче закреплять союз рабочих и крестьян!» [Минаев, 1926б, с. 37] Среди «пролетариев» комсомолка Таня, которая организывает из деревенских ребят пионерский отряд. В финале один из деревенских мальчиков Павел Грызунов произносит речь с трибуны. Связность и грамотность его речи изумляет деревенских жителей, заставляет их поверить в необходимость смычки города и деревни⁶.

Сходным образом очаровывают пионеры и деревенских ребят из рассказа того же автора «Городские гости». Занятые рыбалкой (ее описанию посвящена основная часть рассказа), завидев прибывший на пароходе пионерский отряд, ребята бросают удочки и улов и бегут смотреть на марширующих на пристани пионеров [Минаев, 1928].

---

⁶ Аналогичный мотив уже обсуждался выше на материале рассказа Ларисы Лариной «Помогла». Этот мотив (с учетом пионерской газетной публицистики) можно отнести к устойчивым элементам нарративов о смычке: юные пропагандисты выступают со сцены, взрослые восхищаются грамотностью речи детей-агитаторов.

Реже можно встретить сюжеты об индивидуальных поездках городских детей в деревню. Так, в рассказе Николая Богданова «Два охотника» пионер Дима из города пришел на лыжах в деревню рассказывать о городской жизни [Богданов, 1928в]. Но при этом у него есть и собственный интерес: он хочет поучаствовать в настоящей охоте. Деревенский парнишка Тимошка ведет его на охоту, но из-за безответственного поведения Димы остается один в лесу. Односельчанам удается спасти его. Дима, не принимавший участия в спасении товарища, чувствует вину. Тимошка в знак искупления вины требует, чтобы Дима обучил его маршрутовке и подобным интересным пионерским умениям. Авторская оценка морального облика городского пионера (бросил друга в беде) более чем снисходительна, важнее оказывается его тайное знание о маршрутовке и барабанах, в котором так нуждаются деревенские неопиты.

В город к пионерам: путь во власть

Миграция деревенских детей в город, представленная в сюжетах о мешочниках, в бытописательской литературе получает новую трактовку. Если для городских пионеров поход в деревню – это патронажная экскурсия к аборигенам края, то для деревенских ребят путь в город – это путь к получению просвещения (не только политического, но и технологического), а значит, власти на селе.

В повести Ларисы Лариной «Осилили» красноармеец Афанасий, прибывший в отпуск в свою деревню, разворачивает работу среди крестьян. Вдохновленные им, деревенские дети под предводительством Гришки и Ванятки отправляются «в город к пионерам» (так называется одна из главок повести), спросить «пиванеров», «что и как» нужно сделать, чтобы организовать пионерский отряд в деревне [Ларина, 1926, с. 30]. Пришедшие в город (тоже пешком) деревенские ребята отправляются в пионерский клуб. «Сначала пионеров в клубе было немного, затем весть о маленьких крестьянах, облетевшая вмиг небольшой городок, собрала почти весь отряд» [Там же, с. 33], поделившись своими трудностями в организации советской власти, деревенские отправляются назад, а пионерский отряд идет вслед за ними и помогает побороть – «осилить» – сопротивление кулаков и попов.

За технологической помощью деревенские ребята тоже идут в город. Герои рассказа Николая Богданова «Ретивые медовики» – Ванюшка, Мишка и Егорка – в стремлении завести пасеку отправляются (пешком) в город, чтобы узнать у «главного пчеловода в уезде», как устроено пчеловодческое дело [Богданов, 1929, с. 33]. Вернувшись, они смогли завести свою детскую пасеку, не зависящую от взрослых.

Город показан пространством, в котором семейные связи не являются определяющими. Перемещения персонажей-детей, находящихся внутри городской среды, определены их движением вверх по социальной лестнице, и эта лестница ведет на завод. Значимость других городских объектов в сюжетах детской литературы ниже и обусловлена сюжетными ситуациями, которые являются промежуточными звеньями в самоопределении подростка: умерли родители – попал в детский дом, заболел – лег в больницу, вступил в пионеры – посещает клуб и т. д. Завод предстает идеальным локусом, попадание в который гарантирует социальную состоятельность, т. е. взрослость. В итоге персонаж может устроиться работать не только на завод, но и на стройку или в депо, но сюжетов, чтобы он предпочел производству другой вид занятости, нет. Важно уточнить, что героем города по умолчанию является мальчик (или группа мальчиков, составляющая пионерский отряд), девочки в их желании работать на фабрике не показаны. Персонажи-девочки локализованы в сельской среде, где их самоопределение достигается другим образом – просвещение старших женщин в семье.

В сюжетах, посвященных смычке города и деревни, девочки также появляются эпизодически. На них изредка указывают как на членов пионерских отрядов, но в подавляющем большинстве произведений они занимают подчиненную в сюжетном отношении позицию – их действия редко становятся сюжетообразующими. К исключениям следует отнести повесть Николая Богданова «Пропавший лагерь» [1925], но закулисная роль Симки, благодаря которой пионерскому отряду удастся обезвредить самогонщиков, скорее должна рассматриваться в ряду авантюрных пинкертоновских приемов, которые формируют иные шаблоны гендерной поведенческой нормы.

В прозе же, ориентированной на достоверную рамку письма – изображение повседневности социалистического строительства в городе и на селе, мы видим примечательный гендерный дисбаланс: персонажи-мальчики мобильны, вовлечены в социальное переустройство общества, а девочки утратили свою былую пространственную свободу.

1920-е гг. – это время энергичных мальчиков. Скитающаяся по всей стране девочка дворянского происхождения Аня Гай, героиня приключенческой повести Сергея Григорьева [1925], в бытописательской литературе периода НЭПа утрачивает свою мобильность. В атмосфере раннесоветской агитации за женскую эмансипацию, права трудящихся женщин, вовлечение девочек в пионерское движение детская литература практически не предлагает образцов как свободного перемещения девочек в пространстве, доступном для перемещения мальчиков (город – подгородье – деревня), так и перемещения по социальной лестнице (из беспризорника в заводские рабочие), не связанной с перераспределением семейных статусов. Складывается впечатление, что независимо от социальных характеристик персонажей-девочек (дочь крестьянина, дочь рабочего, дочь кулака и т. д.) их пространственная свобода ограничена даже в большей степени, чем в дореволюционной детской литературе.

Список литературы

Балина М. «Все флаги в гости будут к нам»: эволюция образа ребенка-иностранца в советской детской литературе 1920–1930-х годов // «Гуляй там, где все»: История советского детства: опыт и перспективы исследования / Сост. В. Г. Безрогов, М. В. Тендрякова. М.: РГГУ, 2013. С. 156–165.

Белюсов С. К вопросу о новой книге для школы // На путях к новой школе. 1926. № 2. С. 14–26.

Белых Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. Л.: ГИЗ, 1927.

Бобинская Е. Придумали // Бобинская Маленькие рассказы. М.: Молодая гвардия, 1930. С. 3–18.

Богданов Н. Пропавший лагерь. М.: ГИЗ, 1925.

Богданов Н. Зиновей-чумазей // Богданов Н. Чердачный черт. М.; Л.: ГИЗ, 1928а. С. 3–27.

Богданов Н. Чердачный черт. 1928. // Богданов Н. Чердачный черт. М.; Л.: ГИЗ, 1928б. С. 28–55.

Богданов Н. Два охотника // Богданов Н. Чердачный черт. М.; Л.: ГИЗ, 1928в. С. 56–70.

Богданов Н. Ретивые медовики. М.: ГИЗ, 1929.

Верейская Е. Сережка в деревне Л.: Прибой, 1925.

Верейская Е. Крестный отец // «Я думал, чувствовал, я жил» / Сост. Б. Е. Галанов, И. С. Маршак, З. С. Паперный. М.: Сов. писатель, 1971. С. 147–155.

Григорьев С. Тайна Ани Гай. М.; Л.: ГИЗ, 1925.

Грумберг Л. Шесть месяцев крепим смычку. Комсомольцы должны помочь // Пионерская правда. 1925. № 1 (6 марта). С. 3.

- Жданов А., Королева Л., Разоренева Ф.* Смычка на деле. М.; Л.: Молодая гвардия, 1927.
- Кожевников А.* Вокзальники. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925.
- Костарев Н.* Забытый // Снежный ком: Дет. лит. сб. / Ред. коллегия: А. Богданов, Н. Костарев, В. Новицкая; [Неделя беспризор. ребенка. 25 дек. г. – 1 янв. 1924 г.]. Владивосток: Примгубдеткомис, 1923.
- Ларина Л.* Помогла // Ларина Л. По разному. Харьков: Юный ленинец. 1925. С. 33–45.
- Ларина Л.* Осилили. М.; Л.: ГИЗ, 1926.
- Маликова М.* «Красный пинкертон» как политический заказ НЭПа // Русская литература. 2014. № 4. С. 217–235.
- Маслинская С.* Пионерская беллетристика vs Большая детская литература // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.): Сб. ст. СПб.: Алетейя, 2013. С. 231–245.
- Минаев К.* Ариша-пионерка // Минаев К. Ариша-пионерка. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 3–24.
- Минаев К.* Каменский отряд // Минаев К. Ариша-пионерка. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 25–40.
- Минаев К.* Дикие. М.: ГИЗ, 1927а.
- Минаев К.* Против отца. М.: ГИЗ, 1927б.
- Минаев К.* Городские гости // Минаев К. Городские гости. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 3–15.
- Мэнс О.* За правдой // Пионерская правда. 1925. № 1. С. 4; № 2. С. 2; № 3. С. 4; № 4. С. 4.
- Олег К.* Матреша // Пионерская правда. 1925. № 22 (2 авг.). С. 2; № 23 (11 авг.). С. 2.
- Невтонов А.* В порту. М.: Изд. Г.Ф. Мириманова, 1926.
- Николаев Д. Д.* Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006.
- Пикор Ш.* Склоняем на свою сторону // Пионерская правда. 1925. № 3. С. 3.
- Путилова Е.* Возвращение приключенческой повести 1920-х гг. // Детские чтения. 2014. № 6 (2). С. 51–66.
- Седов Б.* Как наладили смычку // Пионерская правда. 1925. № 3. С. 3.
- Смычка с солнцем и деревней / Сост. Я. Смоляров, Н. Потапов. М.; Л.: Молодая гвардия, 1926.
- Толстокорова А.* Дама в дилижансе: женская географическая мобильность и пространственная эмансипация в художественной литературе эпохи модерна // Культура и текст. 2016. № 4. С. 133–160.
- Третьяков И.* Московские пионеры без картофеля помогут букреевским ребятам // Пионерская правда. 1925. № 1 (6 марта). С. 3.
- Филитис Н.* Подвижные школьные игры (для возраста 8–12 лет). М.; Л.: Изд-во ЦКЖД «Гудок», 1926.
- Фомин Д.* «Для примера всем пионерам»: тема путешествия в книжке-картинке 1920-х годов // Детские чтения. 2019. № 2 (16).

S. G. Maslinskaya

*Institute of Russian Literature (the Pushkin House) RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

**Mobility Rights: Characters' Movement Trajectories
in Russian Children's Literature of the 1920s**

The article presents the analysis of characters' movement trajectories in the fictional space of Russian children's literature of 1920s. Gender and social traits of the characters of Soviet chil-

dren's literature of the NEP era are correlated to spatial structure of the texts. Characters' movements are ideologically conditioned and correspond to the propaganda campaign of "uniting city and village", targeted at the economic and cultural integration of urban and rural population of Russia in 1920s.

Male characters are generally more mobile while female characters' movements are restricted to the rural area where the central accomplishment for them is to enlighten elder women in a family. Children's literature does not offer examples of girls freely traveling around, notwithstanding the early Soviet propaganda for female emancipation, for the rights of working women, and for including girls in the young pioneer movement. While at the same time, male characters freely travel around the city, suburbs, and countryside. Female mobility is restricted regardless of their social origins (a daughter of a peasant, a daughter of a kulak, a daughter of a priest, etc.). Depiction of spatial emancipation of low- or middle-class girls in Soviet literature is suppressed by the traditional view on women's freedom of movement, although it was diversely represented in pre-revolutionary children's literature about daughters of nobility.

The analysis showed that among characters of children's literature of 1920s the city boys are the most mobile while country girls are the least mobile group.

Keywords: Russian children's literature of the 1920s, space, ideology, gender, city, village, "smychka".

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-140-150

References

- Balina M. «Vse flagi v gosti budut k nam»: evolyutsiya obraza rebenka-inostrantsa v sovetskoy detskoj literature 1920–1930-kh godov ["All flags will visit us": the evolution of the image of a foreign child in Soviet children's literature of the 1920s and 1930s]. In: «Gulyay tam, gde vse»: Istoriya sovetskogo detstva: opyt i perspektivy issledovaniya ["Don't you stray away from the others": the history of Soviet childhood: the existing body and prospects of research]. Eds. V. G. Bezrogov, M. V. Tendryakova. Moscow, RSHU, 2013, p. 156–165. (in Russ.)
- Belousov S. K voprosu o novoy knige dlya shkoly [On the question of a new book for the school]. *Na putyakh k novoy shkole*, 1926, no. 2, p. 14–26. (in Russ.)
- Belykh G., Pantelev L. Respublika SHKID [Republic of SHKID]. Leningrad, GIZ, 1927. (in Russ.)
- Bobinskaya E. Pridumali [Invented]. In: Bobinskaya E. Malen'kie rasskazy [Little stories]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1930, p. 3–18. (in Russ.)
- Bogdanov N. Cherdachnyy chert [The attic devil]. In: Bogdanov N. Cherdachnyy chert [The attic devil]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1928, p. 28–55. (in Russ.)
- Bogdanov N. Dva okhotnika [Two hunters]. In: Bogdanov N. Cherdachnyy chert [The attic devil]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1928, p. 56–70. (in Russ.)
- Bogdanov N. Propavshiy lager' [The Missing camp]. Moscow, GIZ, 1925. (in Russ.)
- Bogdanov N. Retivye medoviki [Zealous beekeepers]. Moscow, GIZ, 1929. (in Russ.)
- Bogdanov N. Zinovye-chumazey [Very dirty Zinovvey]. In: Bogdanov N. Cherdachnyy chert [The attic devil]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1928, p. 3–27. (in Russ.)
- Filitis N. Podvizhnye shkol'nye igry (dlya vozrasta 8–12 let) [Mobile school games (for ages 8–12 years)], Moscow, Leningrad, Gudok Publ., 1926. (in Russ.)
- Fomin D. «Dlya primera vsem pioneram»: tema puteshestviya v knizhke-kartinke 1920-kh godov ["For an example to all pioneers": the theme of travel in the picture book of the 1920s]. *Detskie chteniya*, 2019, no. 2 (16). (in Russ.)
- Grigoriev S. Tayna Ani Gay [Mystery by Anya Gay]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1925. (in Russ.)
- Grumberg L. Shest' mesyatsev krepim smychku. Komsomol'tsy dolzhny pomoch' [Six months fasten the union. Komsomol members should help]. *Pionerskaya Pravda*, 1925, no. 1, p. 3. (in Russ.)
- Kostarev N. Zabytyy [Forgotten]. In: Snezhnyy kom [Snowball]. Eds. A. Bogdanov, N. Kostarev, V. Novitskaya. Vladivostok, Primgubdetkomis, 1923. (in Russ.)
- Kozhevnikov A. Vokzal'niki [Children living at the station]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika, 1925. (in Russ.)
- Larina L. Osilili [Mastered]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1926. (in Russ.)

Larina L. Pomogla [Helped]. In: Larina L. Po raznomu [In different ways]. Kharkov, Yunyy leninets, 1925, p. 33–45. (in Russ.)

Malikova M. «Krasnyy pinkerton» kak politicheskiy zakaz NEPa [“Red Pinkerton” as a political order of the NEP]. *Russkaya literatura*, 2014, no. 4, p. 217–235. (in Russ.)

Maslinskaya S. Pionerskaya belletristika vs. Bol'shaya detskaya literatura [Pioneer fiction vs. High literature for children] In: «Ubit' Charskuyu...»: paradoksy sovetskoy literatury dlya detey (1920-e – 1930-e gg.) [“Kill Charskaya...”: the paradoxes of Soviet literature for children (1920–1930)]. St. Petersburg, Aleteyya, 2013, p. 231–245. (in Russ.)

Mens O. Za pravdoy [For the truth]. *Pionerskaya pravda*, 1925, no. 1, p. 4; no. 2, p. 2; no. 3, p. 4; no. 4, p. 4. (in Russ.)

Minaev K. Arisha-pionerka [Pioneer Arisha]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1926, p. 3–24. (in Russ.)

Minaev K. Dikie [Wild]. Moscow, GIZ, 1927. (in Russ.)

Minaev K. Gorodskie gosti [City guests]. In: Minaev K. Gorodskie gosti [City guests]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1928, p. 3–15. (in Russ.)

Minaev K. Kamenskiy otryad [Kamensky squad]. In: Minaev K. Arisha-pionerka [Pioneer Arisha]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1926, p. 25–40. (in Russ.)

Minaev K. Protiv otsa [Against the father]. Moscow, GIZ, 1927. (in Russ.)

Newtonov A. V portu [In the port]. Moscow, Izd. G. F. Mirimanova, 1926. (in Russ.)

Nikolaev D. Russkaya proza 1920–1930-kh godov: avanturnaya, fantasticheskaya i istoricheskaya proza [Russian prose 1920–1930s: adventurous, fantastic and historical prose]. Moscow, Nauka, 2006. (in Russ.)

Oleg K. Matresha [Matresha]. *Pionerskaya pravda*, 1925, no. 22, p. 2; no. 23, p. 2. (in Russ.)

Pikor Sh. Sklonyaem na svoyu storonu [We incline to our side]. *Pionerskaya pravda*, 1925, no. 3, p. 3. (in Russ.)

Putilova E. Vozvrashchenie priklyuchencheskoy povesti 1920-kh gg. [The Return of the adventure story of the 1920s]. *Detskie chteniya*, 2014, no. 6 (2), p. 51–66. (in Russ.)

Sedov B. Kak naladili smychku [How did we make the Union]. *Pionerskaya pravda*, 1925, no. 3, p. 3. (in Russ.)

Smychka s solntsem i derevney [The union with the sun and the village]. Smolyarov Ya., Potapov N. (Eds.). Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya, 1926. (in Russ.)

Tolstokorova A. Dama v dilizhanshe: zhenskaya geograficheskaya mobil'nost' i prostranstvennaya emansipatsiya v khudozhestvennoy literature epokhi moderna [The Lady in the stagecoach: women's geographical mobility and spatial emancipation in the art Nouveau literature]. *Kul'tura i tekst*, 2016, no. 4, p. 133–160. (in Russ.)

Tretiyakov I. Moskovskie pionery bez kartofelya pomogut bukeevskim rebyatam [Moscow pioneers without potatoes will help bukeevsky guys]. *Pionerskaya pravda*, 1925, no. 1, p. 3. (in Russ.)

Vereyskaya E. Krestnyy otets [The Godfather]. In: «Ya dumal, chuvstvoval, ya zhil» [“I thought, felt, I lived”]. Eds. B. E. Galanov, I. S. Marshak, Z. S. Paperny. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1971, p. 147–155. (in Russ.)

Vereyskaya E. Serezhka v derevne [Seryozhka in the village]. Leningrad, Priboy, 1925. (in Russ.)

Zhdanov A., Koroleva L., Razoreneva F. Smychka na dele [The union on the case]. Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya, 1927. (in Russ.)

Svetlana G. Maslinskaya – PhD, Research fellow, Research Center for Russian Children’s Literature at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) RAS (St. Petersburg, Russian Federation, braunknopf@gmail.com), Co-Editor-in-Chief of the journal “Children’s Readings: Studies in Children’s Literature” (“Детские чтения”)